

Каданцева Галина Ивановна

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/5/62.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (48). С. 178-180. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Наука, 1971. 239 с.
2. Воробьева О. П. Стилистика текста // Стилистика английского языка: учеб. пособие / А. Н. Мороховский и др. Киев: Вища школа, 1984. С. 196-226.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
4. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога: определение, исчисление // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 11-124.

УДК 81'373

Галина Ивановна Каданцева

Северокавказский государственный технический университет

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ[©]

Одной из самых спорных и самых актуальных проблем, связанных с процессом заимствования, является проблема классификации заимствованных элементов.

Дифференциация лексики иноязычного происхождения может осуществляться на основе различных критериев.

Прежде всего, заимствования могут классифицироваться в зависимости от того, из какого языка они пришли. Так, в заимствованной лексике немецкого языка выделяются пласты слов латинского, французского, итальянского, английского, русского и т.п. происхождения (так называемые, англицизмы, тюркизмы и пр.).

Данная классификация отражает культурные, экономические, политические связи между народами - носителями языков-источников и языков-реципиентов. Стоит отметить, что хронологическое распределение заимствований, как правило, связывается с этапами в развитии отношений, т.е. лишено собственно лингвистической основы и опирается на внешние по отношению к языку критерии [3, с. 33-34].

Немецкие лингвисты, занимающиеся изучением проблем, связанных с процессом заимствования, создали в конце XIX - начале XX века классификацию слов и фразеологических словосочетаний иноязычного происхождения, основанную на их отношении к системе заимствующего языка.

Согласно данной классификации иноязычная лексика и фразеология подразделяется на заимствованные слова и словосочетания - **Lehnwörter** и иностранные - **Fremdwörter**.

Понятие «иностранное слово» было впервые введено в 1815 году философом К. Краузе (1781-1832) и расширено Й. Паулем (1763-1825) в журнале *Hesperus* (1819). Данным понятием Й. Пауль обозначает выражение, перенятое из иностранного языка в родной (в большинстве случаев вместе с указываемым на него предметом), которое, в отличие от заимствованного слова (*Lehnwort*), ещё не приспособилось по произношению, написанию и форме к системе заимствующего языка [6, S. 56-57].

Например, рассмотрим некоторые слова и образованные с их помощью фразеологизмы, заимствованные из латинского и французского языков, при переводе которых под номером 1 будут обозначены словосочетания номинативного характера, обладающие нейтральной незмоциональной окраской в буквальном и переносном значении, а под номером 2 будут обозначены словосочетания с различной семантической экспрессивной стилистической окраской с переносным значением:

Нем. *Münze* - лат. *moneta* (монета) → 1. *Münzeln sammeln* (коллекционировать монеты); 2. *etw. für bare Münze nehmen* (разг. принимать что-л. за чистую монету); *j-m mit gleicher Münze heimzahlen* (разг. платить кому-л. той же монетой).

Нем. *fein* - франц. *fin* (тонкий, изящный, изысканный, чуткий) → *feine Linien* (тонкие линии); *feines Mehl* (мука мелкого помола); *feine Schrift* (мелкий почерк); 2. *ein feiner Kerl* (разг. славный малый); *feine Sache!* (разг. здорово!); *es ist nichts so fein gesponnen, es kommt doch ans Licht der Sonnen* (посл. шила в мешке не утаишь; сколько верёвочке ни виться, а концу быть).

Л. П. Ефремов [2, с. 11-12] относит к основным признакам заимствованных элементов следующие: регулярное употребление вошедших в словарный состав языка заимствований и передачу их от поколения к поколению; приобретение заимствованными словами новых значений и переносное употребление заимствованных слов и словосочетаний; участие заимствованных элементов в процессе словообразования; дальнейшее фонетическое уподобление исконным словам; ликвидацию вариантов произношения и разноречия в грамматическом оформлении, вытеснение заимствованным словом других слов; вхождение в устойчивые словосочетания; образование от заимствованных слов или фразеологизмов форм субъективной оценки.

Л. П. Крысин, рассматривая признаки заимствованных элементов, названные Л. П. Ефремовым, Ю. С. Сорокиным и другими исследователями, замечает, что, вероятно, не все они являются необходимыми

для определения вхождения иноязычного по происхождению слова или фразеологизма в язык-реципиент. Он предлагает выделить лишь те признаки, которые необходимы и в то же время достаточны для отнесения заимствованного слова или фразеологического словосочетания иноязычного происхождения к заимствованным элементам. С точки зрения Л. П. Крысина, «такими необходимыми и достаточными признаками являются:

- графемно-фонетическая передача иноязычного лексического или фразеологического единства средствами заимствующего языка;
- соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями;
- семантическая самостоятельность заимствованного слова или фразеологизма;
- для заимствованного слова или словосочетания литературного языка - употребление не менее чем в двух речевых жанрах, для заимствованного слова или словосочетания номинативного характера, например, термина - регулярное употребление в определенной терминологической сфере» [4, с. 42-43].

Теа Шиппан отмечает следующие критерии разграничения заимствованных и иноязычных элементов: «морфемная структура (*Morphemische Struktur*); включение в словообразовательную парадигму (*Eingliederung in Wortbildungsparadigmen*); звучание, произношение, акцентуация (*Lautung, Akzentuierung*); графическое отображение слова (*Graphematik*); употребительность (*Geläufigkeit*)» [7, S. 264].

Об употребительности (частотности) лексического или фразеологического единства как критерии включения иностранного слова или фразеологизма в систему языка-реципиента пишет также К. Геллер. Он утверждает, что «чаще встречающиеся иностранные слова воспринимаются индивидами как более «родные», в то время, как реже употребляемые немецкие слова обозначаются опрошенными как иностранные» [5, S. 264-265]. Одновременно с тем К. Геллер указывает на то, что решающую роль в определении степени освоенности слова или фразеологизма играет не только его «форма», но и «функция».

Теперь мы можем заметить, что взгляды ученых расходятся, несмотря на, казалось бы, широту представленных точек зрения, отсутствуют более или менее строгие критерии отнесения лексических и фразеологических единств к той или иной группе и, кроме того, сам метод деления лексики и фразеологии на *Lehnwörter* и *Fremdwörter* основан на смешении формального (ассимиляция слова или фразеологизма в языке) и функционального (употребительность) признаков.

Ю. Р. Гепнер [1, с. 38-40] в своей работе предложил классификацию фразеологических заимствований и заимствованных компонентов в составе фразеологической единицы по ряду критериев. В качестве основных дифференцирующих критериев он выделяет:

- степень общенародной распространенности заимствованного фразеологизма или фразеологической единицы с заимствованными компонентами;
- обладает ли фразеологическое заимствование или фразеологическая единица с заимствованными компонентами интернациональным распространением или встречается лишь в конкретном языке.

В качестве дополнительных критериев выступают следующие:

- степень усвоенности формы заимствованного компонента во фразеологическом словосочетании или иноязычного фразеологизма (куда входит и степень словообразовательной активности);
- сфера использования иноязычного фразеологизма или фразеологической единицы с заимствованными компонентами (в стилистическом плане);
- принадлежность к сфере экспрессивной фразеологии и ряд других различительных признаков, которые выясняются в ходе характеристики отдельных типов иноязычных слов и словосочетаний.

Мы полагаем, что данная классификация наиболее полно соответствует целям разграничения фразеологизмов иноязычного происхождения и фразеологических единиц с заимствованными компонентами в немецком языке. Формальные критерии в ней имеют второстепенное значение, за основу принят принцип общенародной распространённости заимствованных фразеологизмов и фразеологических единиц с заимствованными элементами в компонентном составе.

Таким образом, мысль о целесообразности выделения необходимых и достаточных признаков для отнесения лексического или фразеологического единства к заимствованным и иностранным заслуживает одобрения. Но названные признаки не могут быть приняты безоговорочно. Мы считаем, что очевиден приоритет функциональных признаков над формальными. Прежде всего под функциональными критериями понимаются интенсивное употребление фразеологических заимствований и фразеологизмов с заимствованными компонентами в речи, семантическая самостоятельность фразеологической единицы, участие заимствованных элементов в процессе словообразования. При этом, на наш взгляд, наличие у фразеологизма всех этих признаков необязательно.

Список литературы

1. Гепнер Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и типах их функционирования // Проблемы фразеологии: исследования и материалы. М., 1974. 145 с.
2. Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов. Алма-Ата, 1958. 288 с.
3. Забавников Б. Н. Французские заимствования и их освоение в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 256 с.
4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

5. Heller K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart // Untersuchungen im Bereich der deutschen Gebrauchssprache. Leipzig: VEB Biographisches Institut, 2005. S. 36-45.
6. Kettemann B. Anglizismen allgemein und konkret: Zahlen und Fakten // EUROSPEAK - der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende / hg. von B. Kettemann und R. Muhr. Wien, 2002. S. 55-84.
7. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1992. 306 S.

УДК 882

Людмила Владимировна Корухова
Ульяновский государственный технический университет

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
Т. МУРА *THE MINSTREL-BOY* И ПЕРЕВОДА Д. П. ОЗНОБИШИНА «ЮНОША-ПЕВЕЦ»[©]

Актуальность выбранной темы обусловлена возросшим интересом к творчеству ирландского поэта Т. Мура (1779-1852), оставившего глубокий след в истории не только своей, но и русской литературы. Творческое наследие Т. Мура, с которым знакомят нас русские поэты-переводчики, и сегодня волнует и восхищает читателей глубиной раскрытия самых сокровенных тайн человеческого сердца, своей гармонией и музыкальным звучанием. В данной работе предлагается опыт исследования поэзии Т. Мура сквозь призму творчества Д. П. Ознобишина, талантливого отечественного поэта-переводчика, на примере текстологического анализа оригинального стихотворения Т. Мура *The Minstrel-Boy* и перевода «Юноша-певец», выполненного Д. П. Ознобишиным.

«В XIX веке не было ни одного крупного поэта, тем более второстепенного, не отдавшего дань его творчеству (творчеству Т. Мура - Л. В. К.) или пересозданием его на русском языке, или откликом на него в своих собственных произведениях», - писал академик М. П. Алексеев [1].

Бесспорно, Т. Мур как поэт-романтик, обратившийся к народной песне, экспериментировавший с поэтической речью, вводящий новые сюжеты, не мог не привлечь к себе внимание русских поэтов. Популяризация Т. Мура в России - результат ярко-выраженной социальной значимости его произведений. Поэт видит предназначение поэзии, которое заключается в осмыслении жизни страны, народа. Однако в XIX веке в России поэзия не всегда могла открыто заявить об этом, тогда, обращаясь к иноязычным авторам, поэты находили мотивы, отвечающие запросам времени. Традиция использовать перевод как возможность устами иноязычного автора выразить свои мысли и распространить их играла важную роль в литературной и общественной жизни России XIX столетия.

Поэтический цикл «Ирландские мелодии» (*Irish melodies*) Т. Мура привлекли своими романтическими интонациями и Д. П. Ознобишина и, несомненно, повлияли на его творчество. Через всю свою жизнь пронес он духовную связь с ирландским поэтом, сказавшуюся в отголосках образов, сюжетов, настроений, присутствующих в переводах русского поэта. Все это говорит о родстве душ двух поэтов - русского и ирландского. Их объединяло не только страстное влечение к поэзии, но и особое восприятие поэтического слова, берущего свою красоту в фольклоре. И Д. П. Ознобишин, и Т. Мур проникали в глубину народных стихов и песен, воспевали свой край, свою страну. Прекрасно владея английским языком, русский переводчик обращался непосредственно к оригиналу, но вместе с тем он творчески переосмысливал оригинальные тексты, добавляя свои авторские «вставки», тем самым, вступал в диалог с Т. Муром.

В своем переводе стихотворения *The Minstrel-Boy* («Юноша-певец») он последовательно и точно передает основные мысли Т. Мура.

The Minstrel-Boy

The Minstrel-Boy to the war is gone,
In the ranks of death you'll find him;
His father's sword he has girded on,
And his wild harp slung behind him. -
"Land of song!" said the warrior-bard,
"Tho' all the world betrays thee,
"One sword, at least, thy rights shall guard,
One faithful harp shall praise thee!"

The Minstrel fell!-but the foeman's chain
Could not bring his proud soul under;
The harp he loved ne'er spoke again,